

Т Е Н Ь Л О Г О В А

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ТЕНЬ ЛОГОВА»:**

Взгляд со дна

Шаги в пустоте

Сгоревшая жизнь

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**СГОРЕВШАЯ
ЖИЗНЬ**

**МОСКВА
2023**

УДК821.161.1-31
ББК82(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:

© d1sk / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Сгоревшая жизнь / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186688-4

Вернувшись в Москву, следователь Артур Логов и его юная помощница Саша Каверина мечтают вместе открыть собачий приют. Но череда жестоких убийств не дает им заняться благим делом. Преступления, с которыми они сталкиваются, настолько чудовищны, что кажется, их может совершить только психически нездоровый человек. Чтобы остановить его, Артур и Саша готовы на все, хотя понимают, что ходят по краю...

УДК 821.161.1-31

ББК 82(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186688-4

* * *

Безумие... Болезнь это или параллельный мир, населенный иными формами жизни? Там все развивается по своим правилам и правит мораль, порожденная больным мозгом, считающим ее безупречной, единственно возможной.

На реальность обычных людей безумие ложится прозрачной пленкой, зачастую незаметной стороннему взгляду, но при этом искажает все абсолютно. Недопустимое становится возможным, уродливое — прекрасным. Убийство видится высшим проявлением любви, ведь совершается во имя...

Как угадать человека, лишившего других жизни, в толпе, если на нем маска нормальности? Кто из людей трезвомыслящих в состоянии уловить логику безумца и указать пальцем: «Вот он!»? Да и способен ли понять ее мозг не менее воспаленный, но имеющий иную природу?

В народе говорят проще: «Каждый по-своему с ума сходит». И в этих словах таится та самая серьезная правда, с которой не поспоришь. Каждый корчится в своем адском пламени...

Пухлая рябь облаков с холодноватыми голубыми прожилками напоминает о скорой зиме, хотя еще сентябрь и огненные клены помогают оживать и даже улыбаться на ходу. Я гоню себя из дома, чтобы не оконечить в одиночестве. В нашей квартире жутко холодно, приходится кутаться, хотя она небольшая по московским меркам, а отопительный сезон уже начался. Без мамы прогреваются только комнаты, но не я...

Даже в Крыму я не впитала солнце в свое чахлое тельце, ведь нам с Артуром Логовым пришлось не отдыхать там, а расследовать убийство. И не одно... Конечно, дело распутывал он, я всегда на подхвате, но Артур твердит, будто без меня не справился бы. Он знает, как важно мне это слышать. Чувствовать, что кому-то я нужна в этом мире, где больше нет моей семьи...

Все, кто выходит из школы во взрослую жизнь, мечтают освободиться от родительской опеки, но я никогда не хотела, чтобы это произошло так буквально. Когда свобода достается ценой жизни близкого человека, она становится синонимом бесконечного одиночества.

Артур клянется, что не бросит меня замерзать в пустоте. Пытаясь развеять мои сомнения, он даже оставил на моей кухне почти литр самодельного крымского вина, которое купил у старика на берегу Розового озера. Прокопченный до черноты, дедочек сидел со своими бутылками на деревянном ящике на обочине пыльной дороги, а Логов притормозил рядом, чтобы уточнить, с какого берега вода розовеет во всю силу.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— Да с любого! Выбирай что хочешь, — уверенно отозвался дед, сделав широкий взмах, точно пытался продать нам огромное озеро.

А когда Артур поблагодарил, застенчиво спросил:

— Вина не возьмешь? Вкусное.

— Возьму, — охотно согласился Логов. — На обратном пути.

Наверное, старик решил, что это отговорка и нашу машину он больше не увидит, но мы действительно вернулись к нему, вдоволь налюбовавшись розовым перламутром волшебного озера. И не только ради вина: Артуру понравилась расслабленность старика, восходящая к дзену, умиротворенная любовь к тому миру, крошечной частью которого он был и не желал ничего большего.

Артур купил самую большую бутылку, а дед с чувством спросил:

— Откуда такие хорошие люди?

— Из Москвы, — в голосе Артура прозвучала радостная гордость за родной город, которая меня позабавила.

У меня возникло опасение, что сейчас старик разочарует его, ведь жители других краев недолюбливают москвичей и обижаются на столицу, но тот лишь кивнул:

— Бывал. Лет сорок назад. А то и больше... Сильно изменилась, наверное?

— Сильно.

— Ну а как? — Старик степенно развел руками. — Жизнь течет... Это я вот тут как сидел, так и сижу.

По дороге Артур повторил:

— Как сидел, так и сижу... Он сказал об этом без сожаления, ты заметила? Это его кредо. Счастливый

мужик! Гонит свое винишко, смотрит на красивое озеро, перебрасывается фразами с людьми, которые спуют по миру... И не желает ничего другого.

А вино и вправду оказалось невероятно вкусным, Логов чуть волосы на себе не рвал оттого, что купил только одну бутылку! Мы попробовали его — Артур плеснул мне три капли! — уже в Москве, когда он доставил меня домой и потом завалился спать на диване в гостиной. Совсем как в тот расколовший мою жизнь день, когда убили маму и ему было страшно оставить меня одну. Несколько раз и после этого Логов оставался у меня, отчего старухи-соседки, наверное, с ума сходили, ведь его «Ауди» торчала под моим балконом на зависть всему двору. Пусть их пошлые домыслы останутся на их совести... Разве они знают хоть что-то о нас?

Он мгновенно уснул, а я вернулась на кухню и налила полный стакан вина. Даже если Артур заметит, насколько убавилось в бутылки, разве станет меня упрекать? Сам он просто не может себе позволить спаивать меня... Я выпила стоя — залпом. Не за чье-то здоровье и не поминая кого-то... Мне просто хотелось ненадолго ощутить ту небесную легкость, которую обещает опьянение. В конце концов, я уже совершеннолетняя, имею право... Хотя была бы жива мама, вряд ли мне захотелось бы этого, ведь с ней и так жилось легко. По крайней мере, не было горя, которое норовит сплющить тебя, как много-тонный пресс.

Вино не обмануло... Заволновалось сердце, смягчились мысли, поплыли медленно, наползая друг на друга, как медузы в морской волне. Поедем ли мы на море еще когда-нибудь?

На ослабевших ногах я кое-как добрела до дивана, на котором спал Артур. Его невероятное лицо казалось печальным, хотя днем он силился улыбаться, чтобы не огорчать меня. Когда мужчина, любивший твою маму, после ее смерти становится лучшим другом, можно ли считать это везением? Не думаю. Но мы сработались с ним и, хоть пока я так и не решилась стать его официальной помощницей в Следственном комитете, Логов как-то уладил с руководством, чтобы мое появление на месте преступления ни у кого не вызывало приступа ярости. И даже выплачивает мне «гонорар» как частному сыщику — мне ведь нужно на что-то жить...

Эти проблемы решила бы продажа особняка, доставшегося мне в наследство от отца, но мне просто до дрожи хочется организовать там собачий приют. В память о маме, с которой мы вместе заботились о бездомных бедолагах... Артур эту идею поддерживал — ему до сих пор не удалось забыть голубые глаза Моники, которую выгулял однажды, но не сумел приручить — эта собачка боялась всех просто панически и без конца оглядывалась на него с ужасом и мольбой: «Только не бей меня...»

Представляю, как разрывалось у него сердце!

* * *

Открыть зооприют оказалось не так-то просто... Оказалось, что нужна чертова куча разрешений, справок и прочей ерунды, в которой я совершенно не разбиралась, а Логову некогда было таскаться со мной по инстанциям. И он прикомандировал ко мне Никиту Ивашина, своего бывшего стажера, ко-

торый с сентября официально работал в Следственном комитете. Хотя я сразу поняла, что этот милый одноглазый парень (правда одноглазый!) разбирается в бюрократических препонах ничуть не лучше меня...

Зато ему не нужно было ничего объяснять о той странной жизни, которую я веду, ведь он расследовал с Логовым убийство моей семьи. Поэтому я даже обрадовалась тому, что рядом будет Никита, а не совершенно посторонний человек, не понимающий происходящего со мной.

Мы как раз и тащились с Никитой из очередной конторы через парк, почти пустой из-за внезапного похолодания, когда это все началось... По длинным аллеям рыжими мышками пробегали сухие листья, которые я невольно провожала взглядом, и вдруг Ивашин повернулся ко мне, как всегда немного чудно наклонив голову (левый глаз у него стеклянный), и улыбнулся совсем по-мальчишески:

— А давай похрустим?

Мне уже так хотелось есть, что я первым делом подумала о чипсах, но он помотал своей одуванчиковой головой — волосы опять отросли:

— Да нет, листьями!

— Ты серьезно? — вырвалось у меня. — Никитос, ты же вроде как уже дипломированный юрист... Серьезный человек.

— Я же не на работе, — возразил он. — Ну? Погнали?

Как такому дурачку отказать?

Мы протиснулись между облысевшими круглыми кустами и оказались на разноцветной полянке. Крупные бордовые и рыжие пятерни кленов захрустели

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

под нашими ногами громко и даже смачно, а березовые золотники робко вторили им. Конечно, Никита не мог знать, как любили мы с мамой бродить по осенней листве, прислушиваясь к шуршанию под ногами и болтая обо всем на свете. Мы верили, что так будет еще много лет...

А теперь со мной рядом с наслаждением печатал шаги парень, который ничего для меня не значил, но я пыталась делать вид, будто мне весело, хотя в носу щипало все сильнее. Осень всех осыпает моросью меланхолии, и у каждого второго комок в горле... Но в моем случае — это не просто настроение. Я учусь одиночеству, хотя Артур, а теперь и Никита по его приказу пытаются мне помешать. И все мы понимаем при этом, что в моей жизни они не задержатся надолго. Понянутся, пока сил хватит, и пойдут своими тропами.

Так и должно быть. Никто не обязан вечно спасать меня от тоски по маме, от пугающих теней, от давящей тишины в квартире... Это просто осень загоняет меня в угол, где ютятся призраки, еще недавно бывшие моей семьей. Нужно сорвать с лица ее липкую паутину, мешающую дышать, раздвинуть мокрые голые ветки, похожие на прутья решетки, и вырваться из своего горя в реальную жизнь.

Для того я и придумала этот собачий приют, где волонтерами станут женщины, сбежавшие от мужей-абыюзеров. Мама сказала бы: тиранов. Она терпеть не могла эти новомодные словечки: буллинг, моббинг, харассмент...

— Как ни назови, это остается психологическим насилием, — говорила она. — Чем понятнее звучит «буллинг»? Слово-то какое противное... Тошнотворное.

Сама она ни разу на моей памяти не применила ни жестокости, ни насилия. Наверное, Артур и припал к ней всем своим существом потому, что мама была не только красивым, но и самым добрым человеком в мире, а ему после ежедневной возни с убийцами необходимо очищать душу. Я не особо помогаю ему в этом... Зато от меня бывает польза в расследованиях. По крайней мере, он убеждает меня в этом. Лукавит?

— Ты не этим путем ходила в школу? — спросил Никита — отвлек меня, чем по замыслу Артура и должен был заниматься.

— А? — очнулась я. — Нет. Моя школа в другой стороне.

— Хорошая была?

Я пожала плечами:

— Обычная. Такого, как Артур вспоминает о своих друзьях детства, у нас не было. Хотя, может, у кого-то... Но не у меня.

— А что он вспоминает? — с жадностью спросил Никита.

Похоже, ему тоже не особо везло на школьных друзей...

— Ну, знаешь, эти классические эпизоды: походы, пикники, школьные танцы, песни под гитару... Тебе не кажется, что у их поколения все было как-то проще и веселее? Мои вот одноклассники все как один упирались в учебу. Разговоры сводились только к этому проклятому ЕГЭ, к репетиторам, проходным баллам...

— Все поступили из вашего выпуска?

— Понятия не имею.

Он даже остановился:

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

— В смысле? Ты ни с кем не общаешься?

Чувствуя себя бездушным чудовищем, я покачала головой.

— Тебе вообще все люди по фигу? — уточнил Никита, глядя на меня как-то по-новому.

Но я возразила:

— Не все. Есть Артур. Ты, если уж на то пошло...

— Ну конечно, — пробормотал он. — Меня завтра пристрелят, ты и не вспомнишь.

— Вспомню, — заверила я. — Ты — единственный пират из моих знакомых. Как можно тебя забыть?

В первый момент он готов был обидеться, но тут же рассмеялся, сразу став тем солнечным мальчиком-одуванчиком, которым был, когда я увидела его впервые. Тогда его лохмы беззаботно торчали во все стороны! Логов заставил его постричься — работа в Следственном комитете обязывает... Сейчас они уже слегка отросли, но его голова все еще имеет вполне приличный вид. А в остальном Никита ничуть не изменился: тот же нежный овал лица, и чуть что — краснеет так же легко. Но держаться стал увереннее, наверное, логовской силой подпитался. Нам всем спокойнее, когда Артур рядом.

— Сашка, ты — еще тот кадр! — заявил Ивашин.

И я ничуть на это не обиделась.

Но Никита внезапно изменился в лице, заметив что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела компанию подростков, веселившихся и оравших на все голоса на детской площадке, где уже не было малышей. Один из ребят, в красной куртке, карабкался на мачту разноцветного металлического корабля, на которой болталось что-то белое, похожее то ли на косынку, то ли на парик, — мне никак не удавалось рассмотреть.

— Как бы не грохнулся, — пробормотал Никита.

И сглазил... Добравшись до верха, пацан сорвал то самое, белесое, повертел им у самого носа, разглядывая, и вдруг пронзительно завопил. Отшвырнув свою добычу, он резко откинулся назад и не удержался на мачте. Отчаянно замахал руками, попытался ухватиться за металлическую перекладину, но ладонь соскользнула, и мальчишка полетел вниз — даже не камнем, а распластанной в воздухе гигантской красной кляксой. Или лужей крови.

Я подумала об этом уже на бегу, пытаюсь догнать Никиту, прыгавшего через ограждения, стилизованные под разноцветные заборчики, которые были чуть выше колена. Каково бегать с одним глазом? Это же черт знает как страшно, наверное... Никогда не спрошу у него об этом — как можно?!

Друзья упавшего подростка оказались на кораблике первыми, но толку от них было мало — они топтались вокруг, с ужасом разглядывая его окровавленную голову. А упавший что-то силился сказать, приподнимая и снова роняя руку...

— Вызывай «Скорую»! — бросил Никита, сорвал с себя куртку и опустил рядом с пострадавшим на колени.

Пока я звонила и объясняла, что случилось, он подложил свернутую куртку мальчишке под голову, выудил откуда-то чистый носовой платок, прижал его к ране на затылке и скомандовал пацану, стоявшему ближе всех:

— Прижми. Надо забинтовать.

— Я?! — ужаснулся тот и попятился.

Но Никита гаркнул:

— Живо!

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

И мальчишка тут же плюхнулся на колени рядом с ним. А я подумала, что кое-чему помощник уже научился у Логова...

Бинтов, конечно, ни у кого с собой не было, и Никите пришлось пожертвовать свой шарф, чтобы замотать рану и остановить кровотечение.

— Что? — Он склонился к пострадавшему, который все время силился что-то сказать.

Потом оглянулся на меня. По крайней мере, правый глаз его выражал ужас:

— Сашка, посмотри там... Что это?

Он показывал на тот загадочный предмет, тускло белевший в рыжеватой листве, из-за которого пацан и сорвался с мачты. Мы же так и не поняли, что это было...

Внезапно мне стало страшно.

— Сейчас «Скорая» приедет, — пробормотала я, как будто это могло освободить меня от обязанности осмотра.

Но Никита уже отвернулся и заговорил с раненым, как я догадалась, чтобы тот не отключился. Приветливо улыбаясь, как будто принимал его в полную энтузиазма команду волонтеров, Ивашин выпытывал у него имя, возраст, адрес — все, что могло заинтересовать медиков. Хотя эти сведения могли сообщить и его приятели... Но нужно было держать мальчишку на грани сознания, и Никита с этим справлялся.

А мне оставалось заняться той белой штуковинной, которая до смерти (ну почти!) напугала мальчишку... Что это могло быть? Мои шаги становились все короче, мне до жути страшно было приблизиться к ней. Если уж подросток струхнул! А им же вообще все по барабану...

Собравшись с духом, я присела возле того, что смахивало на кусок пакли, которую обмакнули в деготь. Еще не понимая, с чем имею дело, я ощутила, как противно коснуться этого, и подняла сухую палочку, а уже ею подцепила «паклю». И...

Нет, я не заорала так, как тот пацан. Даже не взвизгнула и не откинула скаल्प в сторону. Да, это был человеческий скаल्प со светлыми длинными волосами. Мне показалось — настоящий. А если бутафорский, то выполненный очень правдоподобно. От него даже пахло кровью...

— Что там? — крикнул Никита, обернувшись ко мне.

Пугать остальных мальчишек не хотелось, поэтому я ответила:

— Надо позвонить Артуру.

Чтобы он понял, насколько все серьезно...

В тот же момент я услышала сирену «Скорой помощи».

* * *

Сквозь испуганный, приглушенный Сашкин голос пробивался вой сирены, Артур расслышал его:

— Это к вам «Скорая»?

Она ответила не сразу, видимо, обернулась, чтобы убедиться:

— К нам. Быстро приехали!

— Спроси, куда его увезут. Ивашин выяснил фамилию и прочее?

— Да-да, Никита все записал, — ответила она скороговоркой. — Ты скоро приедешь?

— Уже спускаюсь к машине. — Артур действительно в этот момент сбегал по лестнице, на ходу надевая плащ.

Сашка пискнула:

— Скорей! Я просто в ужасе.

И отбила звонок.

Ступени летели навстречу и за его спиной ускользали вверх. А мысли закручивались вихрем: «Человеческий скаल्प? Откуда он взялся? Сашка не паникерша... Но могла ошибиться. Где она видела скальпы?»

Но то самое чутье, которому Логов привык доверять, подсказывало: девочка не ошиблась. Запах крови говорит сам за себя. Конечно, она может оказаться не человеческой, но кому и зачем нужно было создавать подделку? Чтобы пацанов напугать до дрожи? Игра не стоит свеч... Была иная цель. Это в случае, если скаल्प искусственный. А если настоящий?

По дороге Артур пробил сводки: оскальпированного трупа за последний месяц в Москве не находили. Он сделал в памяти зарубку позднее поднять сведения из соседних регионов, хотя в Подмосковье вряд ли встречались кровожадные индейцы... Сашке вроде бы ничто не угрожало, да и Никита находился с ней рядом, но сердце у Логова было не на месте.

Он попытался перенаправить тревожные мысли на помощника: надежный парень и с головой, Логов уже не раз поблагодарил судьбу и своего начальника Разумовского, что подсунули ему именно Ивашина. Стрелять им, к счастью, не часто приходится, а некоторым и вовсе никогда, так что и с одним глазом работать можно. Внешне-то ничего не заметно, хороший протез парню сделали... Зачем он вообще общается каждому встречному, что у него нет левого глаза?

Навстречу попалась машина «Скорой», и Логов подумал, что это, возможно, та самая — увозит по-

страдавшего мальчишку, сброшенного с высоты неподдельным ужасом. Артур так и не понял, откуда тот свалился: Сашка бормотала что-то сначала про парк, потом про корабль...

«На месте разберусь!» — отмахнулся он.

Лишь бы позвоночник у пацана остался цел! Хотя черепно-мозговая травма — тоже еще та радость... Сам Логов, к счастью, не перенес ни того, ни другого, только пулю в ногу получил, хорошо хоть выше колена... Но с тех пор чаще ездил на машине.

Оставив «Ауди» у входа в маленький парк, не выдерживавший конкуренции с раскинувшимися неподалеку угольями ВДНХ и потому безмолвно зараставший светящимся на солнце подлеском, Артур набрал Сашкин номер:

— Вы в каком месте?

— На детской площадке, — четко отрапортовала она. — Там, где корабль.

«А... Вот что за корабль!» — Сашке он не признался, что сперва решил, будто она бредит со страха.

— Иду, — бросил Логов и убрал трубку.

Раз корабль вполне реальный, то и скальп может оказаться настоящим. А значит, это убийство, совершенное с особой жестокостью, как раз по его части...

Сашку он заметил издали, хотя, с ее ростиком, она легко терялась среди подростков. Их Ивашин не отпустил, молодец... Хотя какие с них возьмешь показания, что они видели, эти до дрожи перепуганные дети? Куда только обычная дерзость подевалась... То же самое расскажут и Сашка с Никитой. Но следствию нужны независимые свидетели, помощник это знал.

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

«На всех детских площадках установлены камеры, — припомнил Артур, направляясь к холодно поблескивавшему кораблю. — Это значительно облегчит работу. Если, конечно, наш хитроумный индеец не позаботился обо всем заранее...»

Он позаботился.

Это Логов понял, как только подошел достаточно близко, чтобы разглядеть белый пакет, нахлобученный на камеру. Его ручки были накрепко связаны узлом, чтобы не сдуло ветром. Если только потенциальный преступник проделал это не ночью, кто-то из прохожих мог обратить внимание. Нужно искать свидетелей...

Сашка уже подбежала и перехватила его взгляд:

— Ты тоже заметил?

— Привет, — произнес Артур негромко, осторожно сжав ее острый локоток: «Держись!»

Подросткам, топтавшимся поодаль, только кивнул. Одинаково приоткрыв обметанные рты, они уставились на него с ужасом: настоящий коп явился! Сейчас вытрясет из них души...

Логов отвернулся, чтобы скрыть усмешку, достал латексные перчатки:

— Ну, показывайте.

Не произнеся ни слова, Сашка подошла к чему-то валявшемуся поодаль. Шагая за Логовым следом, Никита проговорил:

— Собак отгонять приходится, так и лезут на запах.

«Значит, есть запах, — отметил Артур. — Пса не обманешь...»

Присев над Сашкиной находкой, он сперва рассмотрел предполагаемый скаल्प, сделал пару фотографий, потом взял его, чтобы разглядеть получше.

— Каждый раз поражаюсь, как его не тошнит, — побормотала Сашка.

— Я все слышу, — откликнулся Артур. — Это что! Я с уже мертвой плотью дело имею... А вот как люди на скотобойнях работают? Этого мне никогда не понять.

— Вам было бы жалко коров? — подал голос Никита.

— А тебе нет?

— Я и не ем мясо...

Логов поднял голову и уставился на него с изумлением:

— Ты — веган?! С каких пор?

— Мы с вами давно не обедали вместе...

Вздыхнув, Сашка отвела глаза:

— Теоретически я даже поддерживаю вегетарианство. Нет, ну правда! Как представишь слезы в глазах теленка... Ох...

— Но от хорошего гамбургера ты в жизни не откажешься, — поддел ее Артур.

— Не откажусь, — призналась она покаянно.

Никита принял вид оскорбленного достоинства, задрал подбородок:

— Это ваш выбор.

— Мальчик, мы не пытаемся тебя унижить...

— Называя мальчиком?!

— От такого старика, как я, не обидно это услышать.

— Какой вы старик?! Вам же сорок лет.

Разглядывая скаल्प, Артур произнес с трагическим пафосом:

— Я прожил много жизней. Вот с этими бедолагами... Ну что я вам скажу? Скаल्प настоящий. Это